

перемещения, рассматриваемого нами в качестве имманентного свойства миграции любого вида. С другой – они являют собой необходимые программно-целевые ориентиры функционирования государства и применительно к проблематике настоящей публикации призваны очертить круг национальных интересов в заявленной области с точки зрения согласования содержания свободы передвижения с конституированной обязанностью государства создавать необходимые условия для полной реализации гражданами прав и свобод в условиях обеспечения целостности иных охраняемых правом ценностей и интересов.

Как итог, считаем возможным определить следующую систему правовых принципов миграционной политики Республики Беларусь: конституционность; самостоятельность государства в выборе средств и способов осуществления миграционной политики; гарантированность прав и свобод человека и гражданина при условии допустимости их ограничения в целях защиты правоохраняемых интересов личности, общества и государства; гарантированность гражданам защиты и покровительства государства на территории Беларуси и за ее пределами; равенство всех перед законом; учет национальных интересов при реализации общепризнанных принципов и норм международного права; социальная справедливость; соразмерность цели миграционной политики политическому, социально-экономическому, научно-техническому, интеллектуальному потенциалу государства; межведомственное сотрудничество и взаимодействие.

УДК 343.132.2

Р.А. Серета

О ГАРАНТИЯХ ЗАЩИТЫ ОТ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В современном информационном обществе все большее значение приобретает обеспечение конфиденциальности информации, составляющей тайну личной жизни человека. Стремительное развитие цифровых технологий, рост скоростей и объемов передаваемой информации позволяет практически мгновенно распространить любую информацию неограниченному количеству лиц. Несмотря на то что само право на защиту от произвольного вмешательства в личную жизнь является универсальным и включено в перечень всех международных стандартов по правам человека, вопрос о его обеспечении и гарантиях становится все острее.

В Республике Беларусь указанное право получило закрепление в ст. 28 Конституции, согласно которой каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, однако оно не является абсолютным, поскольку относится к той категории прав, которые могут быть ограничены в целях и порядке, предусмотренных ст. 23 Конституции. Таким образом, уполномоченные государственные органы и должностные лица вправе принудительно получать, собирать, хранить и использовать любую информацию о частной жизни человека, если это соответствует указанным в Конституции целям. Кроме того, конституционным требованием является регламентация оснований и условий такого ограничения на уровне нормативных актов, имеющих силу закона.

Сегодня наиболее частые вторжения в рассматриваемое право происходят в процессе противодействия противоправной деятельности. При этом особую актуальность имеют те следственные и процессуальные действия, которые применяются в рамках уголовного процесса. Ввиду того, что ориентиром уголовно-процессуальных действий является расследование наиболее опасных случаев противоправного поведения, соответственно и меры правоограничения в рамках уголовного процесса применяются наиболее жесткие, что обуславливает необходимость создания соответствующей эффективной системы гарантий от произвольного вторжения в тайну личной жизни и противоправного распространения указанной информации.

Наиболее значительные, на наш взгляд, ограничения рассматриваемого права происходят при проведении следственных действий, связанных с вторжением в жилище. Вне всяких сомнений указанные права тесно связаны между собой. Как отмечает профессор О.Е. Кутафин, под личной жизнью понимается такая сфера жизнедеятельности человека, которая традиционно или сознательно скрывается им от посторонних лиц. Следуя известному изречению «Мой дом – моя крепость», жилище является центром сосредоточения подобных сфер жизнедеятельности, скрываемых лицом от других, начиная от домашней обстановки и заканчивая содержимым холодильника. Таким образом, переступая порог чужого жилища, лицо автоматически получает доступ к информации, относящейся к личной жизни проживающих в нем.

К уголовно-процессуальным действиям, связанным со значительным вторжением в рассматриваемое право, можно отнести обыск, выемку, осмотр и наложение ареста на имущество. Для всех них характерна возможность принудительного проникновения в жилище и соответственно получения информации, составляющей тайну личной жизни.

Говоря о гарантиях правомерности такого вторжения, прежде всего необходимо вести речь об установлении пределов доступа к сведениям, составляющим тайну личной жизни. Очевидно, что при проведении обыска таких пределов практически не существует, поскольку лицо, проводящее обыск, имеет право обследовать все жилище, проникнуть в каждую его часть, в том числе с преодолением противодействия проживающих в нем лиц и повреждением запирающих устройств. Таким образом, орган уголовного преследования имеет возможность получить максимальный доступ к частной жизни человека, отражающей порой самые интимные стороны его образа жизни.

В случае проведения выемки предел вторжения в тайну личной жизни, связанной с жилищем, ограничена местонахождением предмета выемки. Согласно ст. 209 УПК основанием для проведения выемки являются достаточные данные о наличии определенных предметов, имеющих значение для уголовного дела, когда точно известно, где и у кого они находятся. В связи с этим полагаем, что обязательным требованием при вынесении постановления о производстве выемки должно быть указание предполагаемого местонахождения предмета выемки. При отсутствии предмета в данном месте не должны предприниматься попытки отыскать его в других возможных местах нахождения. Нельзя не отметить, что это является существенной гарантией

рассматриваемых пределов вторжения в частную жизнь и защитой от несанкционированного перерастания выемки в обыск. Как справедливо отмечают авторы «Научно-практического комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь» (Н.И. Андрейчик и др., под научной редакцией М.А. Шостака) в вышеописанной ситуации уполномоченное лицо вправе провести неотложный обыск с последующим уведомлением прокурора и при наличии соответствующих оснований.

Более сложная, по нашему мнению, ситуация связана с пределами вторжения в частную жизнь при проведении осмотра либо наложении ареста на имущество в жилище. Дело в том, что законодатель четко не оговаривает права лица, проводящего указанные процессуальные действия с точки зрения возможности углубленного и детального обследования жилища с целью обнаружения следов преступления либо отыскания имущества, подлежащего аресту. Полагаем, что в указанных ситуациях возможности лица по вторжению в сферу личной жизни должны быть ограничены лишь визуальным осмотром. Все иные действия, связанные с получением дополнительного доступа к информации личного характера (проникновение в закрытые помещения, открывание шкафов, ящиков стола и т. п.) должны производиться только с согласия лица, проживающего в данном жилище либо в рамках проведения обыска.

Аргументом в поддержку высказанной позиции могут служить гарантии, предусмотренные УПК для рассматриваемых процессуальных действий. На наш взгляд, различия между ними в части вторжения в конституционные права сводятся к степени проникновения в сферу частной жизни лиц, проживающих в жилище, о которой мы сказали выше. При этом санкция либо последующее уведомление прокурора на проведение осмотра, выемки и наложения ареста на имущество необходима лишь в случае потребности проникновения в жилище против воли проживающего в нем лица. При наличии такого согласия санкция не требуется. В свою очередь, при обыске санкция прокурора требуется в любом случае, независимо от согласия собственника на проникновение в жилище.

Аналогичным примером может служить законодательство об оперативно-розыскной деятельности, нормы которого также предусматривают проведение оперативно-розыскных мероприятий, связанных со значительным вторжением в тайну личной жизни гражданина (слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи, оперативный осмотр (негласный с проникновением в жилище) с обязательным санкционированием прокурора.

Таким образом, сделать вывод, что необходимость обязательного получения санкции прокурора на проведение обыска гарантирует соблюдение законности при вторжении в тайну личной жизни, которое является более значительным, чем при осмотре, выемке либо наложении ареста на имущество. Исходя из этого, полагаем, что пределы вторжения в сферу личной жизни лицом, проводящим осмотр, выемку либо наложение ареста на имущество в жилище должен быть четко определен в законодательстве. Сегодня в действующем УПК таких четких границ нет, а равно отсутствуют запреты на чрезмерное вторжение в рассматриваемые права при проведении указанных действий, что может послужить поводом к необоснованно широкому толкованию правоприменителями объема своих полномочий. В связи с этим полагаем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство требует оптимизации в части совершенствования системы гарантий обеспечения конституционных прав и свобод человека.

УДК 342.7(476)

А.В. Смирнов

О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ГОДЫ НЭП

События 1917 г., образование 1 января 1919 г. ССРБ (в дальнейшем переименована в БССР), принятие в феврале 1919 г. первой белорусской Конституции в значительной мере изменили положение государства в экономической сфере по сравнению с дореволюционным периодом. Требования политики «военного коммунизма» негативно повлияли на частную хозяйственную инициативу, ведение предпринимательства и иные виды экономической деятельности, существование которых окончательно прекратилось, так как самим правом на осуществление экономической деятельности как таковой личность не обладала.

Обозначенное положение изменилось только в 1921 г., когда в условиях полного развала государственной экономики партия осознала необходимость развития частной хозяйственной инициативы в пределах, допустимых применительно к установленному политическому режиму и соответствующих ему представлений о развитии общественных отношений, что привело к принятию решения 15 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике. Так после административного «нетоварного» военного коммунизма начался процесс восстановления системы товарно-рыночного регулирования.

В связи с этим в апреле 1921 г. ЦИК ССРБ принял постановление о переходе от продрозверстки к продналогу и о разрешении свободного обмена излишков сельскохозяйственной продукции в уездах ССРБ, дублировавшее положения постановления ВЦИК РСФСР от 25 марта 1921 г. в этой части. СНК ССРБ 27 августа 1921 г. издал постановление «О производстве торговли», в соответствии с которым всем гражданам республики, достигшим 16 лет, предоставлялось право торговать продуктами сельского хозяйства, кустарного и фабричного производства за исключением перечня товаров государственной монополии, число которых было сведено к минимуму.

Необходимо обратить внимание, что в это время на белорусских землях помимо функционирования национальной правовой системы распространяли свое действие законодательные акты РСФСР. Кроме того, действие определенных нормативных правовых актов РСФСР на территории ССРБ регулировалось Декретом ЦИК ССРБ от 24 января 1922 г. «О силе для ССРБ декретов и распоряжений РСФСР».